

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И СООТНОШЕНИЕ ДОГМАТИЧЕСКОЙ И ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

© 2015 г. Вячеслав Николаевич Жуков¹

Аннотация: в статье рассматриваются особенности становления юридической науки в России. Дается состав юридической науки, анализируются ее главные компоненты. Особое внимание уделяется взаимоотношению юридической догматики и фундаментальной юриспруденции (энциклопедии права, философии права, общей теории права, политики права, социологии права).

Annotation: the article considers the peculiarities of development of the legal science in Russia. Given the composition of the legal science, analyzes its main components. Special attention is paid to the relationship between legal doctrine and fundamental law (encyclopedia of law, philosophy of law, general theory of law, politics of law, sociology of law).

Ключевые слова: история юридической науки, догматическая юриспруденция, отраслевая юридическая наука, фундаментальная юридическая наука, энциклопедия права, философия права, общая теория права, политика права, социология права.

Key words: history of legal science, dogmatic jurisprudence, is a branch of legal science, fundamental legal science, encyclopedia of law, philosophy of law, general theory of law, politics of law, sociology of law.

Становление юридической науки и образования

Почти бесспорным представляется тот факт, что отечественное образование и наука (в том числе юридическая наука) приходят к нам из Европы. Профессиональное, специализированное научное знание проникает в Россию в качестве составного элемента такого известного исторического феномена, как “западное культурное влияние”. “Обращаясь к началу западного влияния в России, — анализирует данный феномен В.О. Ключевский, — необходимо наперед точнее определить самое понятие влияния. И прежде, в XV–XVI вв., Россия была знакома с Западной Европой, вела с ней кое-какие дела, дипломатические и торговые, заимствовала плоды ее просвещения, призывала ее художников, мастеров, врачей, военных людей. Это было общение, а не влияние. Влияние наступает, когда общество, его воспринимающее, начинает сознавать превосходство среды или культуры влияющей и необходимость у нее учиться, нравственно ей подчиняться, заимствуя у нее не одни только житейские удобства, но и самые основы житейского порядка, взгляды, понятия, обычаи, общественные отношения. Такие признаки появляются у нас в отношении к

Западной Европе только с XVII в.”². Источник такого “духовно-нравственного подчинения”, продолжает историк, — “недовольство своей жизнью, своим положением”. “Западное влияние вышло из чувства национального бессилия, а источником этого чувства была все очевиднее вскрывавшаяся в войнах, в дипломатических сношениях, в торговом обмене скудость собственных материальных и духовных средств перед западноевропейскими, что вело к сознанию своей отсталости”³. Постепенно в русском обществе стал устанавливаться взгляд на Западную Европу, “как на школу, в которой можно научиться не только мастерствам, но и умению жить и мыслить”⁴.

Примерно со второй половины XVII в. данное влияние начинает раскалывать русское общество на, условно говоря, западников и почвенников, противостояние которых продолжается и в наши дни. Первая мощная волна этого конфликта — движение староверов, которые в своей приверженности старине продемонстрировали антизападничество и консерватизм⁵. Петровские реформы, начав процесс болезненной демаркации между

² Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. В 3-х кн. Кн. 2. М., 1997. С. 355.

³ Там же. С. 357.

⁴ Там же. С. 371.

⁵ См.: Карташёв А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1–2. Т. 2. Париж, 1959. С. 175; Ключевский В.О. Указ. соч. С. 388, 390, 411.

¹ Профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук.

основной массой народа и европеизированным дворянством, еще более заострили проблему западного влияния. Результатом насильственной европеизации стало появление во второй половине XVIII в. консервативно-аристократической реакции (М.М. Щербатов). В XIX в. под влиянием революций на Западе и революционного движения в самой России консерватизм оформляется в полноценное идеологическое направление (славянофилы, панславизм, почвенничество), где европейская культура подвергается резкой многоплановой критике. Европейские ценности, нормы и институты воспринимаются консерваторами разных оттенков как угроза традиционалистской России. В таких исторических условиях процесс проникновения европейской науки не мог не встречать препятствий.

С одной стороны, и власть, и просвещенное дворянство, осознавая факт отсталости страны, принимали энергичные меры по становлению и расширению образования и науки, но с другой — страхи правящего класса перед возможной революцией, косность русской среды порой заметно тормозили данный процесс. После отмены обязательной службы дворянское сословие стало интенсивно деградировать: уютно расположившись в своих поместьях, дворянские семьи крайне неохотно посылали своих детей учиться с целью последующей службы. Дворянское безделье, отмечает В.О. Ключевский, послужило урожайной почвой, на которой выросло уродливое общество «со странными понятиями, вкусами и отношениями»⁶. Например, даже во второй половине XIX в. для дворянства (особенно родовитого) считалось не совсем приличным делом заниматься научно-преподавательской деятельностью. Во второй половине XVIII в. отечественное образование и наука находились еще в зачаточном состоянии, о чем сообщают многие историки, например В.О. Ключевский: «Сохранившиеся данные рисуют нам в самом печальном виде преподавание в академическом университете. Ломоносов говорил, что в этом университете «ни образа, ни подобия университетского не видно». Профессора обыкновенно не читали лекций, студенты набирались, как рекруты, преимущественно из других учебных заведений и большей частью оказывались «гораздо не в хорошем состоянии принимать от профессоров лекции»⁷. «Не в лучшем положении, — продолжает историк, — был и Московский университет, учрежденный в 1755 г. При открытии университета в нем числилось 100

студентов; 30 лет спустя в нем числилось лишь 82 студента. В 1765 г. значился по спискам один студент на всем юридическом факультете; несколько лет спустя уцелел один на медицинском. Во все царствование Екатерины ни один медик не получил ученого диплома, т.е. не выдержал экзамена. Лекции читались на французском или на латинском языке. Высшее дворянство неохотно шло в университет; один из современников говорит, что в нем не только нельзя научиться чему-нибудь, но и можно утратить приобретенные дома порядочные манеры»⁸.

В 1856 г. Б.Н. Чичерин, рассуждая о причинах поражения в Крымской войне, указывает глубокий скепсис относительно состояния российской науки: «Можно ли нам твердить о своеобразном воззрении на науку, когда мы в науке сравнительно с другими народами еще младенцы? Что у нас есть к ней некоторые способности, это мы уже знаем, но велики ли они или нет, в состоянии ли они дать знанию новый сильный толчок, кто это может сказать? До сих пор еще у нас не являлось великих ученых. Мы можем только надеяться, и каждый из нас, без сомнения, питает в себе эти патристические надежды»⁹. «У нас нет еще фундамента науки, а мы хотим уже ставить крышу»¹⁰. «Русскому народу, — заключает он, — надобно твердить одно: учись, учись и учись! А для этого нужно усвоить себе науку западную... Наука преемственно переходит от одного народа к другому, Западная Европа получила ее от древнего мира и подвинула ее вперед; мы же должны принять ее от народов Западной Европы и, если хватит способностей, принести также и свою дань общему делу»¹¹. И это пишется более чем через сто лет после учреждения Российской академии наук и Московского университета, когда, казалось бы, отечественная наука должна была развиваться уже на собственной основе.

Еще более радикальной выглядит оценка, данная Б.А. Кистяковским нашей юридической науке в начале XX в., т.е. через 200 лет после начала петровских реформ: «У нас при всех университетах созданы юридические факультеты; некоторые из них существуют более ста лет; есть у нас и полдесятка специальных юридических высших учебных заведений. Все это составит на всю Россию около полутора десятка юридических кафедр. Но ни один из представителей этих кафедр не дал не

⁸ Там же. С. 343, 344.

⁹ Чичерин Б.Н. О народности в науке // Чичерин Б.Н. Философия права. СПб., 1998. С. 269.

¹⁰ Там же. С. 270.

¹¹ Там же. С. 271.

⁶ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 340.

⁷ Там же. С. 343.

только книги, но даже правового этюда, который имел бы широкое общественное значение и повлиял бы на правосознание нашей интеллигенции. В нашей юридической литературе нельзя указать даже ни одной статейки, которая выдвинула бы впервые хотя бы такую, по существу неглубокую, но все-таки верную и боевую правовую идею, как Иеринговская “Борьба за право”. Ни Чичерин, ни Соловьев не создали чего-либо значительного в области правовых идей. Да и то хорошее, что они дали, оказалось почти бесплодным: их влияние на нашу интеллигенцию было ничтожно; менее всего нашли в ней отзвук именно их правовые идеи. В последнее время у нас выдвинуты идеи возрождения естественного права и идея о праве как психическом явлении, обладающем большою воспитательною и организующей силой. В нашу научную литературу эти идеи внесли значительное оживление, но говорить о значении их для нашего общественного развития пока преждевременно. Однако ничто до сих пор не дает основания предположить, что они будут иметь широкое общественное значение. В самом деле, где у этих идей тот внешний облик, та определенная формула, которые обыкновенно придают идеям эластичность и помогают их распространению? Где та книга, которая была бы способна пробудить при посредстве этих идей правосознание нашей интеллигенции? Где наш “Дух законов”, наш “Общественный договор”?»¹².

Но были и более оптимистичные суждения среди юристов дореволюционной генерации. Так, Н.М. Коркунов, который одним из первых включил в свой курс по истории философии права раздел о русской юридической науке, писал: “Русское правоведение имеет свою особую историю, не укладывающуюся в общие рамки исторического развития правоведения. Наше отношение к западной науке можно сравнить с отношением глоссаторов к римской юриспруденции. И нам приходилось начинать с усвоения плодов чужой работы, и нам прежде всего надо было подняться до уровня иноземной науки. Но только наше положение было менее благоприятно, наша задача несравненно тяжелее, нежели задача, выпавшая на долю глоссаторов. Пред теми была наука, уже законченная, завершившая свое развитие, остановившаяся в своем движении. Им некуда было торопиться, некого было догонять. Совсем иным представлялось наше положение. Мы не могли, как они, спокойно работать над усвоением плодов

опередившей нас науки Запада. Наука эта – наука живая. Она развивается с каждым днем, идет вперед, и нам приходилось сразу делать два дела: и наверстывать старое и упущенное нами, и не отставать, поспевать за западной наукой в ее прогрессивном развитии. Тем не менее в каких-нибудь полтора-два столетия мы почти успели наверстать отделявшую нас от западных юристов разницу в слишком шесть столетий”¹³.

Представляется, что истина лежит где-то посередине между крайними точками зрения. В континентальной Европе юридическая наука современного типа появляется примерно на рубеже XVIII–XIX вв., в период завершения формирования буржуазного общества. В это время науки гражданского, уголовного, государственного, административного, процессуального права принимают тот классический вид, который мы знаем сейчас. Уровень проведенной кодификации гражданского и уголовного права, конституционное законодательство демонстрировали факт существования достаточно развитой юридической науки. Н.М. Коркунов абсолютно прав в том, что Европе никто не подгонял осваивать римское наследие. А этот процесс был длительным: наука гражданского права ведет свой отсчет с XII в., когда глоссаторы начинают изучать римское право. Европейские юристы “переваривали” античное наследие шесть-семь столетий, пока не получили более или менее стройную юридическую науку, адаптированную к новым историческим условиям. «Право наукой стало только тогда, – подтверждает эту мысль Е.А. Суханов, – когда немецкие юристы развили пандектистику, выделили и создали общую часть и общие понятия, категории. Этого нет в англо-американском праве, этого не было в средневековом праве. Германская пандектистика сделала право наукой, родилось то, что называли “Begriffsjurisprudenz” – юриспруденция понятий, ставшая великой исторической заслугой немецких юристов»¹⁴.

Ученический период русской юридической науки заканчивается примерно к середине XIX в. Во второй половине XIX – начале XX в. наши ученые создают тексты, способные конкурировать с лучшими европейскими образцами, т.е. через 150 лет после начала петровских реформ русская юридическая наука достигает уровня европейской, начинает развиваться синхронно с ней (благодаря свободному культурному обмену),

¹² Кистяковский Б.А. Социальные науки и право // Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 362.

¹³ Коркунов Н.М. История философии права. М., 2011. С. 233.

¹⁴ Цит. по: Михайлов А.М. Генезис континентальной юридической догматики. М., 2012. С. 43.

а по отдельным направлениям даже ее опережает. Во второй половине XIX в. догматическая юриспруденция, философия права, общая теория права, социология права развиваются в Европе и в России параллельно и примерно с одинаковой скоростью. Отраслевые юридические науки не просто заимствовали догматический материал из европейских источников, но фактически создавали собственную догматику, основанную на российской традиции права. Психологическая школа права во главе с Л.И. Петражицким как самостоятельное направление возникает только в России. Возрождение естественного права инициируют одновременно Р. Штаммлер и Л.И. Петражицкий. П.И. Новгородцев сделал не меньше (если не больше), чем Р. Штаммлер в деле возрождения естественного права. С.А. Муромцев и М.М. Ковалевский раньше своих коллег на Западе системно внедряют социологию в юриспруденцию. Влияние немецкой, французской, итальянской литературы сказывается еще очень сильно, но отечественная юриспруденция в это время уже прочно стоит на собственных ногах. Континентальная юриспруденция влияет главным образом тем, что наследуются понятийный аппарат и академическая традиция при выборе и рассмотрении теоретических проблем. Влияют, конечно, и авторы, создающие новаторские теории. Притом что влияние западных идей во второй половине XVIII – начале XX в. шло волнами (вольфианство, гегельянство, шеллингянство, историческая школа права, кантианство, позитивизм, марксизм, ницшеанство, эмпириокритицизм), русская философская и юридическая мысль умела их адаптировать таким образом, чтобы оставаться вполне самостоятельной.

Б.А. Кистяковский прав в том, что сочинения русских авторов были малоизвестны в Европе. Но причина данного факта состояла отнюдь не в отсутствии в них теоретической глубины и оригинальности, а в ощущении самодостаточности и известной корпоративной замкнутости западно-европейской юридической науки. На протяжении всего XIX и в начале XX в. европейские юристы продолжают смотреть на российскую науку как на ученическую, где вряд ли можно обнаружить самостоятельную мысль. Они вполне обоснованно воспринимали себя центром научного мира и не считали нужным обращать внимание на такую, с их точки зрения, периферию этого мира, как Россия. Со своей стороны, русские юристы, создавая вполне оригинальные тексты, видимо, сами не могли до конца освободиться от ощущения своей интеллектуальной зависимости от Запада. Для многих из них привычно было смотреть на

европейских светил снизу вверх, а ссылаться на их авторитет в научном споре считалось хорошим тоном. Как и в XVIII в. преподаватель российского университета начала XX в. чувствовал себя не только ученым, но и миссионером, несущим свет европейской науки в неграмотную, лапотную Россию. И это при том, что, появившись тексты Б.Н. Чичерина, В.С. Соловьева, С.А. Муромцева, М.М. Ковалевского, П.И. Новгородцева или того же Б.А. Кистяковского на одном из европейских языков, пиши они не в России, а где-нибудь в университетских центрах Европы, их работы, несомненно, приобрели бы известность и авторитет.

Так же как и в Европе, юридическая наука в России развивалась в теснейшем взаимодействии с университетским образованием, а лучше сказать – университеты и создали юридическую науку, на что указывали многие, в том числе Г.Ф. Шершеневич¹⁵. “В конце XIX века в Российской империи было 10 университетов – Московский (1755), Юрьевский (1802), Казанский (1804), Харьковский (1805), Петербургский (1819), Гельсингфорсский (Александровский) (1827), Киевский (Св. Владимира) (1834), Варшавский (русский, 1862–1915), Новороссийский в Одессе (1865) и Томский (1878–1888). До 1917 года было открыто еще три университета: Саратовский (1909), Ростовский (1915 – на базе переведенного из Варшавы русского университета) и Пермский (май 1917, на базе эвакуированного Юрьевского университета; в 1915–1917 годах работал как филиал Петроградского университета)”¹⁶. Следует добавить еще Виленский университет (основан в 1579 г., закрыт после польского восстания 1830 г.).

Наряду с университетами было создано несколько учебных заведений, приближавшихся по своим правам и уровню образования к университетам: Демидовское училище высших наук в Ярославле (с 1833 г. – Демидовский лицей, с 1870 г. – Демидовский юридический лицей); Гимназия высших наук в Нежине (1805 г.; в 1840–1875 гг. – Юридический лицей); Императорское Училище правоведения (1835 г.)¹⁷.

“Если сравнивать российские университеты с основными западноевропейскими, – отмечает

¹⁵ См.: Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. М., 2003. С. 27.

¹⁶ Моцелков Е.Н. История философии права в университетском образовании России (XIX – начало XX вв.). М., 2011. С. 41.

¹⁷ См.: Пустарнаков В.Ф. Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб., 2003. С. 99–104.

В.Ф. Пустарнаков, – то оказывается, что наши самые крупные университеты по численности студентов походили на средние германские. В Московском университете в 1812 г. насчитывалось всего 215 слушателей; в 1825/26 г. их стало (вместе с вольнослушателями) 876. Петербургский университет со дня открытия и по 1837 г. закончили 365 человек. В Харьковском университете в первые десять лет его существования училось от 54 до 122 студентов в год, в Казанском – от 40 до 115. В самом большом – Московском – университете в 1858 г. было 677 студентов, в 1839 – 798; в Петербургском – соответственно 389 и 400; в Дерптском – 530 и 525; в Харьковском – 383 и 391; в Казанском – 208 и 225; в Университете св. Владимира в Киеве – 259 и 126; в Петербургском главном педагогическом институте – 136 и 163; в Ришельевском лицее (Одесса) – 39 и 57; в Демидовском (Ярославль) – 61 и 54; князя Безбородко (Нежин) – 71 и 45. В Гельсингфорском университете в 1828 г. было 339 студентов. В дальнейшем цифра иногда доходила до 500.

Для сравнения отметим, что в германских университетах в 1840 г. училось: в Берлинском – 1678, в Мюнхенском – 1371, в Лейпцигском – 935, в Тюбингенском – 739, в Геттингенском – 704, в Галльском – 682, в Боннском – 594, в Кенигсбергском – 390, Фрейбургском – 301, Марбургском – 285 человек¹⁸.

Университетское образование в дореволюционной России пережило несколько реформ, связанных с принятием университетских уставов. Как верно замечает Е.Н. Моцелков, «зигзаги правительственной политики в области образования, в частности, преподавания в университетах государствоведческих (политических) наук, совпадают с периодами “реформа-контрреформа” в политической истории России XIX века. Два относительно прогрессивных той эпохи Университетских устава 1803 и 1863 годов появляются в свет в начальной фазе относительно либеральных реформ, тогда как два достаточно реакционных устава 1835 и 1884 годов вступают в действие в ходе развертывания контрреформ»¹⁹. Яркий пример тому – история преподавания естественного права. Пришедшее в российские университеты в форме политически консервативного вольфианства, позднее, в конце 10-х годов и особенно после восстания декабристов, естественное право стало восприниматься как угроза самодержавной власти. Университетский устав 1835 г. исключил

естественное право в качестве самостоятельной дисциплины²⁰.

Вместе с тем, несмотря на влияние политики, юридическое образование и юридическая наука развивались в сторону большей институционализации и дифференциации, становясь все более зрелыми и полноценными. Уставы 1804 г. для университетов в Москве, Харькове и Казани вводили новое название юридического факультета – отделение нравственных и политических наук. Наименование факультета “отражало представление их составителей о научной юриспруденции как о совокупности знаний о поведении человека. Это представление было господствующим в среде университетских правоведов XVIII – начала XIX веков как в Западной Европе, так и в России”²¹. Дифференциация юридических дисциплин здесь была еще очень слабая, “один и тот же профессор читает каждую из наук, какие только полагаются на его факультете”²². Устав Московского университета 1804 г. определял: «Отделение нравственных и политических наук составляют: “1) Профессор богословия догматической и нравоучительной. 2) Толкования Священного Писания и Церковной Истории. 3) Умозрительной и практической Философии. 4) Профессор Прав: естественного, политического и народного. 5) Прав Гражданского и Уголовного судопроизводства в Российской империи. 6) Прав знатнейших как древних, так и нынешних народов. 7) Дипломатики и политической экономии”»²³.

Устав 1835 г. восстановил первоначальное название юридического факультета и определил его структуру в составе семи кафедр: “1) Энциклопедия или общее обозрение системы законоведения, российские государственные законы, т.е. законы основные, законы о состояниях и государственные учреждения. 2) Римское законодательство и история онаго. 3) Гражданские законы, общие, особенные и местные. 4) Законы благоустройства и благочиния. 5) Законы о государственных повинностях и финансах. 6) Законы полицейские и

²⁰ См. подробнее: *Томсинов В.А.* Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. Учеб. пос. М., 2010. С. 49–54; *Пустарнаков В.Ф.* Указ. соч. С. 110–118.

²¹ *Томсинов В.А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века. Учеб. пос. М., 2010. С. 37.

²² *Шершеневич Г.Ф.* Указ. соч. С. 32.

²³ *Томсинов В.А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века. С. 52, 53.

¹⁸ Там же. С. 104.

¹⁹ *Моцелков Е.Н.* Указ. соч. С. 41.

уголовные. 7) Начала общенародного правоведения”²⁴.

Устав 1863 г. устанавливал следующий перечень кафедр: “1) Энциклопедия права: а) Энциклопедия юридических и политических наук, б) История философии права. 2) История важнейших иностранных законодательств, древних и новых. 3) История русского права. 4) История славянских законодательств. 5) Римское право: а) История римского права, б) Догматика римского гражданского права, в) Византийское право. 6) Государственное право: а) Теория государственного права, б) Государственное право важнейших иностранных государств, в) Русское государственное право. 7) Гражданское право и гражданское судопроизводство и судопроизводство. 8) Уголовное право и уголовное судопроизводство и судопроизводство. 9) Полицийское право: а) Учение о безопасности (законы благочиния), б) Учение о благосостоянии (законы благоустройства). 10) Финансовое право: а) Теория финансов, б) Русское финансовое право. 11) Международное право. 12) Политическая экономия и статистика. 13) Церковное законоведение”²⁵.

И наконец, Устав 1884 г. определил такие кафедры юридического факультета: 1) римского права; 2) гражданского права и гражданского судопроизводства; 3) торгового права и торгового судопроизводства; 4) уголовного права и уголовного судопроизводства; 5) истории русского права; 6) государственного права; 7) международного права; 8) полицейского права; 9) финансового права; 10) церковного права; 11) политической экономии и статистики; 12) энциклопедии права и истории философии права.

Догматическая юриспруденция

Говоря об эволюции юридической науки, следует четко понимать тот факт, что она имела сложный состав. В XIX – начале XX в. юридическая наука в континентальной Европе и в России насчитывает, как минимум, девять компонентов: отраслевая юридическая наука, история государства и права, философия права, история философии права, энциклопедия права, общая теория права и государства, сравнительное правоведение, политика права, социология права.

Задачами отраслевой юридической науки всегда были и остаются: разработка догматики (прин-

ципы и техника создания норм права и приведения их в систему), анализ правоприменительной практики и разработка рекомендаций (в том числе теории толкования) для правоприменительных органов, подготовка кадров для юридической науки и практики. Этим задачам была подчинена как европейская, так и отечественная юридическая наука. Отраслевая юридическая наука возникает там, где она начинает сознавать себя в качестве самостоятельной и самоценной сферы знания, отличной от существующего позитивного права и правоприменительной практики. Говорить о возникновении отраслевой юридической науки можно только тогда, когда она перестает воспринимать себя придатком юридической практики. Юридическая догматика тогда становится наукой, когда приобретает качество самостоятельного субъекта, сознательно влияющего на процесс правотворчества и правоприменения. Данная трансформация в Европе происходит примерно на рубеже XVIII–XIX вв., в России – не намного позднее. Все последующее столетие отраслевая юридическая наука и там, и там быстро набирает академический вес.

По мнению многих дореволюционных юристов, в России XVII–XVIII вв. юридической догматики как науки еще нет. “На пути изучения попыток кодификации русского законодательства, – пишет Г.С. Фельдштейн, – обнаруживается не только отсутствие научного метода, но и нераздельное господство приказной юриспруденции, которая собственными усилиями, хуже или лучше, создавала законодательство, имевшее практическую ценность”²⁶. “Кодификационные опыты эпохи, следующей за Уложением 1649 г., – продолжает автор, – на пространстве времени вплоть до появления известной екатерининской Комиссии свидетельствуют с очевидностью, что они ни приемами своей работы, ни самыми результатами деятельности не обнаруживают на себе влияния научной юриспруденции. К факту о том, что юристы наши не обращаются к юридической литературе в качестве подспорья при выполнении их практических задач, присоединяются и данные, находящие подтверждение в характере результатов их творчества. Типичной для этого времени является такая работа наших юристов, которая направлена на сводку разновременных постановлений при помощи простого приписывания их к старым узаконениям и на заимствование, далее, целиком западноевропейских сборников с приспособлением их для тех потребностей, ко-

²⁴ Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху “великих реформ” (60-е – начало 80-х гг. XIX в.). Учеб. пос. М., 2013. С. 61.

²⁵ Там же. С. 62.

²⁶ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003. С. 40.

торые предъявляет практическая жизнь. Если же наши юристы первой половины XVIII в. и вырабатывают проекты кодексов, то делают это путем использования старой, выработанной практики, системы, раздвигая рамки прежних делений и втискивая в них новый законодательный материал, созданный течением и потребностями государственной жизни, поскольку они сознаются деятелями того времени²⁷. К концу XVIII в. согласно Г.С. Фельдштейну потребность в создании науки догмы права только осознается, а в первую треть XIX в. научная догма зарождается. Кодификация 30–40-х годов значительно подвинула вперед догматику права, но только к концу 50-х появляются серьезные труды в этой области²⁸.

Для Н.К. Ренненкампа русская научная юриспруденция начинается с 30-х годов XIX в., когда целое поколение молодых ученых было послано за границу, а вернувшись, они создали собственную, достаточно зрелую научную среду. Г.Ф. Шершеневич связывает окончательную зрелость русской догматики (в частности, науки гражданского права) с реформами 60–70-х годов, когда потребовалось готовить юристов, хорошо знающих законодательство и юридическую практику. Кроме того, русская цивилистика, как он полагает, во многом вырастала из исследований истории русского права (работы К.Д. Кавелина, С.В. Пахмана), т.е. хронологически возникает после становления истории государства и права. Развитию догмы русского права и юридической науки в целом сильно способствовало, с его точки зрения, появление юридических журналов: “Юридический вестник” (1867), “Журнал гражданского и торгового права” (1871) (с 1874 г. – “Журнал гражданского и уголовного права”), “Журнал Министерства юстиции”, “Вестник Демидовского юридического лицея”, “Сборник государственных знаний”. Показателем зрелости научной юридической среды, добавим, стало учреждение в 1863 г. Московского юридического общества²⁹.

Во второй половине XVIII – первой трети XIX в. общим фоном, общей мировоззренческой и общенаучной платформой развития юридической науки в России была школа естественного права (в виде немецких и французских источников). На Западе, отмечает Г.С. Фельдштейн, юристы взяли на вооружение данную школу с целью вывести общие принципы права из природы человека, отыскать в ней те начала, “из которых, как из своего источника, истекали все отдельные катего-

рии права”³⁰. У нас (как и в Европе) ориентация на естественное право проявилась в растворении юридической науки в философии, религии и этике: юридический факультет стал называться отделением нравственных и политических наук, теоретическое изучение права осуществлялось в рамках дисциплины “Умозрительная и практическая философия”. Следствие такого положения дел было двояким. С одной стороны, естественно-правовая философия стимулировала создание абстрактных юридических конструкций, что создавало предпосылки для появления полноценной науки о праве. Но, с другой – в юриспруденции насаждался дух схоластики, далекий от подлинных нужд юридической практики, юридического образования и юридической науки в России. Г.С. Фельдштейн так конкретизирует данную мысль: “Застав западноевропейскую юриспруденцию на стадии теоретического объединения многочисленных и разнородных форм проявления положительного права, под видом учений естественного права, молодая русская наука начала питаться такими плодами, которые совершенно не соответствовали задачам данного исторического момента. Нет ничего удивительного, если в конечном результате теоретическое направление, увенчавшее на Западе долгий ряд усилий глоссаторов и легистов в смысле школ, проделавших уже известный цикл развития на почве соприкосновения с правовой действительностью, совершенно не подходило к тем нормам, которые нужно было не только обобщить, но и установить, и разъяснить. Изысканный костюм западноевропейской теоретической юриспруденции, искусно скроенный, приходился не по росту и формам того не ладно скроенного, но по-своему крепко сшитого целого, на которое его старались примерить. Получался некоторого рода исторический маскарад, который не мог заменить приискание наряда, приспособленного к местным условиям”³¹.

Подлинно научный дух в отечественной юриспруденции появляется благодаря влиянию исторической школы права, в более широком смысле – благодаря повороту наших юристов к истории права и государства и широкому внедрению исторического метода. Благотворность такого поворота состояла в том, что перед юристами стояла задача не просто осваивать догматический материал Запада, а создавать свой собственный на основе русской традиции права. Это была подлинно творческая работа, положившая начало формированию оригинальной научной школы

²⁷ Там же. С. 45.

²⁸ См.: там же. С. 231, 287, 500, 501, 509.

²⁹ См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 97–99, 102, 103.

³⁰ Фельдштейн Г.С. Указ. соч. С. 47.

³¹ Там же.

отраслевой догматики. Исторический подход был востребован также проходившей кодификацией, в основе которой лежало стремление изучить и систематизировать национальную систему права.

Поворот в сторону истории отразился и в организации юридического образования, что зафиксировал Устав 1835 г. «Соответственно изменившемуся направлению, – развивает данную мысль Г.Ф. Шершеневич, – необходимо было изменить распределение кафедр и наук в университетах. Правительство решило совершенно изгнать философию из преподавания юриспруденции и поставить последнюю на почву положительного законодательства, превратить юридический факультет в орудие истолкования и проведения в жизнь всего богатого содержания только что обнародованного свода законов... Один взгляд на распределение наук обнаруживает тенденцию правительства поставить преподавание юриспруденции в университетах в соотношение с изданным Сводом Законов. Философский элемент, преобладавший прежде, почти совершенно изгнан, если не считать энциклопедии, которая должна была составить введение к изучению прочих наук, и римского права, как испытанного теоретического средства. Вместе с тем нельзя не признать, что в новом уставе юридический факультет получил более правильную организацию, чем та, которая установлена была ранее»³².

Однако юридическое образование и юридическая наука продолжали находиться в стадии формирования. «В первой четверти XIX в., а затем и в “николаевскую эпоху”, – констатирует Е.А. Скрипилев, – преподавание юридических наук сводилось, по существу, к законоведению, т.е. простому пересказу действующего российского законодательства, сообщению при этом отрывочных сведений из области государственного, гражданского и уголовного законодательства. Теория вопроса, историческое и философское осмысление излагаемого законодательства фактически отсутствовали»³³.

В становлении русской отраслевой догматики (как и в целом юридической науки) важнейшую роль сыграла юридическая практика: кодификация 30–40-х годов и реформы 60–70-х годов XIX в. Вполне уверенно можно утверждать, что потребность в усилении эффективности правового регулирования, в повышении уровня правотворчества и правоприменения в решающей степени стимули-

ровала формирование национальной школы догматической юриспруденции. В известном смысле юридическая практика в России опережала юридическую науку и юридическое образование (во всяком случае их институциональные формы). Символический и фактический рубеж здесь, отделявший протонауку догмы права от собственно науки, – Свод законов и Полное собрание законов Российской Империи. Сюда следует добавить, как верно указывает М.А. Кожевина, подготовку официальных и неофициальных проектов конституции, сыгравших немалую роль в становлении государственного права, разработку проектов Гражданского и Уголовного уложений, внесших существенный вклад в формирование отраслей и наук гражданского и уголовного права, судебную реформу 1864 г., приведшую к разделению гражданского и уголовного процесса, к становлению процессуального права как отрасли права и отрасли науки³⁴.

Проведенная кодификация накопила опыт догматической обработки собственного законодательного материала, способствовала четкому структурированию и дифференциации отраслей права, что в исторически короткие сроки было адаптировано юридической наукой и юридическим образованием. Устав 1835 г. в значительной мере отразил структуру состоявшейся кодификации, что было шагом вперед в развитии юридической науки: она освобождалась от схоластики и переориентировалась на изучение нормативного материала России. Устав 1863 г. вводил уже 13 кафедр вместо семи по предшествовавшему Уставу, а лексика последних двух Уставов предполагала не столько изучение законов, сколько изучение наук о праве. «Сравнение учебной программы юридического факультета, установленной Университетским уставом 1863 года, с аналогичной программой, закрепленной Уставом 1835 года, показывает, – справедливо замечает В.А. Томсинов, – что преподавание юридических наук в российских университетах перестало строиться на основе свода законов Российской империи, но приобрело самостоятельную систему. Соответственно, термин “законы” в названиях юридических дисциплин уступил свое место слову “право”»³⁵. «Перечень кафедр юридического факультета, – продолжает автор, – установленный § 15 нового Университетского устава, осно-

³² Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 47, 48.

³³ Скрипилев Е.А. О юридическом образовании в дореволюционной России (XVIII – начало XX вв.) // Гос. и право. 2000. № 9. С. 82.

³⁴ См.: Кожевина М.А. Становление и развитие отечественной юридической науки в XVIII–XIX вв. Омск, 2013. С. 95–107.

³⁵ Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху “великих реформ” (60-е – начало 80-х гг. XIX в.). С. 62.

вывался на понимании научной юриспруденции как совокупности знаний о праве. Действующие законы остались объектом изучения, но главным содержанием юридического образования сделалось теперь познание природы и сущности правовых институтов, закономерностей их функционирования и развития. Соответственно этому науки, предназначенные Университетским уставом 1863 года для преподавания на юридических факультетах, стали пониматься в качестве знаний о той или иной отрасли права, а именно: “гражданское право”, “уголовное право”, “полицейское право”, “финансовое право”. “Энциклопедия законоведения” получила наименование “энциклопедии права”, “история российского законодательства” – название “истории русского права”. Учебная дисциплина, именовавшаяся в Университетском уставе 1835 года “римским законодательством”, была представлена в новом Общем уставе императорских российских университетов как “римское право”. Новое понимание научной юриспруденции проявилось не в одних названиях, но и в содержании отраслевых юридических наук. В нем стала выделяться теоретическая или общая часть: теория государственного права, общая часть гражданского права, общая часть уголовного права³⁶.

Вместе с тем о роли кодификации были и другие мнения. Так, видный юрист XIX–XX вв. Г.С. Фельдштейн, признавая выдающееся значение кодификации для русской юридической науки, в то же время считал, что кодификационные акты, официально зафиксировав существующее российское государство и право, в дальнейшем тормозили развитие юридической догматики. Николаевский режим воспринимал вполне естественное приращение догматического материала (новые понятия и конструкции) как ревизию основ монархического государства. «Большинство исследователей, – объясняет ученый, – склоняется к мысли, что только после появления Полного собрания законов и Свода у нас стала возможна и осуществилась научная разработка права. В действительности этот взгляд не более как выражение несбывшихся надежд составителей этих памятников. Н. Коркунов, говоря о догматических работах по государственному праву в нашей литературе, справедливо, на наш взгляд, указывает, что “Свод законов не мог не остановить развития зародившейся литературы государственного права... Неблагоприятные условия для развития научной деятельности в течение второй четверти нынешнего (XIX) столетия... должны были и действи-

тельно привели к полному упадку догматической разработки государственного права”. Сказанное им вполне применимо и к области догматической разработки уголовного права, которая не могла не страдать от того, что при помощи Свода была замещена и вытеснена догматизация исторических наслоений нашего права и приведение его в научную систему. Мы увидим, как благодаря общей совокупности условий, в которые была поставлена научная разработка права в николаевскую эпоху, стала невозможной начавшаяся в нашей литературе плодотворная работа...»³⁷.

Интересный штрих для характеристики нашей отраслевой юридической науки второй половины XIX – начала XX в. дают сетования Г.Ф. Шершеневича на ее отрыв от практики. “До половины XVIII века, – рассуждает он, – юридические факультеты на Западе пользовались таким уважением со стороны практики, что на их усмотрение и заключение присылались наиболее трудные дела. Настоящее время дает не менее доказательств полного единения науки и судебной практики. Какая масса сочинений выходит из-под пера практиков, которые сегодня занимают судейское кресло или адвокатскую трибуну, а завтра восседают на кафедре в качестве профессора, и наоборот. Постоянные юридические съезды обнаруживают самую тесную связь между теоретиками и практиками”³⁸. “Ничего подобного не замечается в России, где не только нет общения между теорией и практикой, но, напротив, обнаруживается какая-то неприязнь, враждебность между теоретиками и практиками. Первые считают содействие правосудию ниже своего достоинства и относятся несколько презрительно к судебной практике, а на попытку отдельного ученого прийти на помощь суду смотрят как на измену научному делу. Вторые со снисходительной улыбкой посматривают на кабинетные эксперименты ученого, не имеющие никакого к ним отношения и, предполагая унижить значение науки, указывают на неумение ее воспитанников составлять канцелярские бумаги”³⁹.

Действительно, такое положение дел представляется вполне типичным для России. Наше государство всегда предпочитало иметь собственных чиновников – специалистов в области правотворчества, а не обращаться каждый раз к университетской профессуре. Опыт Российской Империи и Советского государства говорит именно об этом: если была необходимость подготовить нормативный акт, власть поручала

³⁷ Фельдштейн Г.С. Указ. соч. С. 436.

³⁸ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 239.

³⁹ Там же.

³⁶ Там же. С. 214.

аппарату это сделать. Зависеть в таком важном деле от людей науки, как правило, не привыкших к дисциплине и не имеющих точного представления о подлинных целях и интересах государства, власть считала неблагодарным. Понятно, что постоянно происходил обмен кадрами между госаппаратом и учреждениями юридической науки и образования, но главной базой правотворческих кадров был все-таки аппарат. Чиновник, владеющий юридической догматикой, всегда оказывался полезней, чем ученый-юрист, знающий догматику, но далекий от процесса реального правотворчества. Относительный разрыв между юридической практикой и наукой говорил также и об академической свободе, которой пользовались люди науки. Невнимание со стороны государства к научным разработкам свидетельствовало, в частности, о том, что ученые были свободны в выработке конструкций, не нужных власти или даже способных помешать ей при решении поставленных задач. Государство готово было терпеть и финансировать творческие поиски отраслевой науки, часто не имевшие шансов воплотиться на практике.

Фундаментальная юридическая наука

Становление отраслевой юридической догматики было, несомненно, магистральным путем развития юридической науки в Европе и в России. Потребности практики ставили ее в центр юриспруденции. Правительства вкладывали огромные средства в юридическую науку и образование прежде всего для того, чтобы готовить кадры практических работников для правотворческой и правоприменительной деятельности. Цель просвещения широких народных масс, приобщения их к ценностям науки и культуры тоже, конечно, имела в виду, но была скорее побочной, чем основной. Такую расстановку приоритетов можно наблюдать в любой стране, занимавшейся модернизацией науки и образования.

Вместе с тем в эпоху Просвещения появляется потребность на системном уровне дать анализ государства и права как социальных явлений. Продолжая традицию греко-римской культуры (Сократ, Платон, Аристотель, Цицерон), средневековья (Фома Аквинский) и Возрождения (Ф. Бэкон, Н. Макиавелли, Ж. Боден), европейские авторы начинают исследовать государство и право с позиций философии и истории. Догматическая обработка права продолжает набирать обороты, но наряду с этим интенсивно формируется фундаментальная юридическая наука, ставящая своей целью философское, общетеоретическое и историческое изучение права и государства. Ста-

новлению фундаментальной юридической науки весьма способствовали сначала школа естественного права (XVII–XVIII вв.), позднее – историческая школа права. Поворот юридической науки в сторону фундаментальных исследований во многом был обусловлен общей тенденцией XIX в., состоявшей в появлении профессиональной науки современного типа. Именно в XIX в., особенно во второй его половине, осуществляется та классическая дифференциация наук, которая в своей основе дошла до нашего времени. В научной юридической среде появляется значительный слой людей, ставивших своей целью заниматься философскими и историческими исследованиями в области права и государства. В XVII–XVIII вв. оформляются (получают фактический или формальный статус) энциклопедия права, философия права и политика права, в первой половине XIX в. – история государства и права, чуть позднее, во второй половине этого века, – общая теория права и государства и сравнительное правоведение, с последней трети – социология права. Дисциплиной, систематизирующей историю идей о праве и государстве, стала история философии права.

Таким образом, в континентальной Европе и в России в XIX – начале XX в. юридическая наука сложилась в составе прикладной (отраслевой) юридической науки и фундаментальной (философия права, история философии права, энциклопедия права, история государства и права, общая теория права и государства, сравнительное правоведение, политика права, социология права). Следует обратить внимание на тот факт, что прикладная и фундаментальная юридические науки имели по большей части разные культурно-исторические корни, разные причины и основы возникновения. Если догматика права появляется как ответ на запросы практики, как инструмент, влияющий на правовое регулирование, то основа фундаментальной науки – потребность в познании. Профессиональная наука XIX в., для существования которой государство создавало необходимые материальные условия, могла уже себе позволить заниматься фундаментальными проблемами государства и права. Здесь необходимо, конечно, иметь в виду, что фундаментальные дисциплины развивались в тесной связи с отраслевой наукой, подкладывая под нее прочную философскую и историческую основу. Сама логика подготовки профессиональных юристов требовала разработки и включения в учебный процесс фундаментальных дисциплин.

Различие состояло еще и в том, что догму права разрабатывали профессиональные юристы,

фундаментальную науку – наряду с юристами – философы, историки, социологи. Неюридический компонент (на уровне персоналий и идей) изначально делал фундаментальную юридическую науку эклектичной, рыхлой, внутренне противоречивой. Именно в рамках фундаментальной науки наблюдаются интенсивное привнесение идей из неюридической сферы знания и их острая борьба. Именно фундаментальная наука в России была наиболее зависимой от европейского идейного влияния. Такие широко известные направления, как кантианство, гегельянство, юридический и социологический позитивизм, марксизм, психологическая школа права имели место прежде всего и в основном в фундаментальной науке. Отдельные представители отраслевой науки время от времени подключались к дискуссиям, но сама юридическая догматика в целом оставалась равнодушной к ним, что вполне объяснимо: чтобы догматически обрабатывать нормативный материал, не требовалось определять свое отношение к учениям Канта, Гегеля, Конта или Маркса. У отраслевой науки была своя вполне автономная сфера, ограниченная приемами юридической техники.

Одно из следствий эклектического состояния фундаментальной науки – размытые границы между ее дисциплинами, пересечение их по предмету исследований и проблемной тематики, бесконечный и бесплодный спор об их статусе в юридической науке (продолжающийся у нас и поныне). Период XIX – начала XX в. знаменовался их борьбой и взаимным влиянием, что в конечном счете и обеспечило интенсивное развитие фундаментальной науки.

Энциклопедия права. Одна из наиболее ранних юридических дисциплин – энциклопедия права, возникшая в Германии в XVI–XVII вв.⁴⁰ “Потребность в юридической энциклопедии, – пишет Г.Ф. Шершеневич, – стала обнаруживаться по мере дифференциации в самом праве. Пока все писаное право выражалось в римских и канонических источниках, для юридической энциклопедии было мало почвы. Но когда из права стали выделяться уголовное, процессуальное, административное, явилась необходимость соединять данные разных источников в один обзор. Действительно, в XVI и XVII столетиях таких произведений появляется очень много, и одно из них даже придает себе наименование энциклопедии,

Гунниус, *Encyclopedia juris universi*, 1683 года, которое и закрепляется за подобными обзорами. По своему характеру они представляли собой не что иное, как чисто механическое соединение большего или меньшего количества норм права. Объем изменялся в зависимости от цели энциклопедии. Он сокращался, когда энциклопедия права предназначалась для педагогических надобностей, расширялся, если она должна была служить судебной или иной практике”⁴¹.

“В XVIII в. в юридическо-энциклопедической литературе, – читаем у Н.М. Коркунова, – проявляется два существенных направления. Это столетие было эпохой наибольшего разъединения философского и положительного знания, что отразилось и на энциклопедиях. Одни из них написаны под влиянием догматического или положительного, как его тогда называли, направления. Такова, например, энциклопедия Стефана Пюттера, который собственно и ввел название энциклопедии в общее употребление и вместе с тем отделил от энциклопедии методологию, что едва ли можно считать заслугой. Другие энциклопедии принадлежат к философскому направлению. Таков характер произведений Неттельбладта, известного последователя Вольфа. Он написал несколько руководств по энциклопедии, пользовавшихся в свое время большою известностью. Но влияние вольфовой и кантовой философии на энциклопедическую литературу было лишь внешнее, формальное. Энциклопедии, написанные под влиянием этих философских систем, оставались по-прежнему лишь кратким очерком содержания специальных наук – не более. Философское учение давало подходящую форму для такого конспектообразного изложения, давало готовые схемы, рубрики, категории, но не давало внутреннего единства изложения, не давало обобщающей и объединяющей мысли”⁴².

С начала XIX в., указывает Н.М. Коркунов, развитие энциклопедии права переживает качественный скачок: “Энциклопедисты уже не довольствуются только кратким изложением содержания отдельных юридических наук. Они стремятся создать из энциклопедии самостоятельную науку, имеющую свою особую задачу. Это новое направление, видящее в энциклопедии не особый только прием изложения науки, а особую, самостоятельную науку, сложилось под непосредственным влиянием учения Шеллинга и Гегеля, впервые заговоривших об энциклопедии

⁴⁰ См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 25–28; Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1910. С. 58, 59; Ренненкампф Н.К. Очерки юридической энциклопедии. Киев, 1880. С. 4.

⁴¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. С. 58.

⁴² Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. С. 27, 28.

как о науке”⁴³. Следствием такой устремленности стала разработка в рамках энциклопедии права философского и исторического аспектов жизни права. В конечном счете в XIX в. энциклопедия права предстает как эклектическая дисциплина, соединявшая в себе две части – общетеоретическую и отраслевую. Общетеоретическая часть могла включать в себя теоретико-догматический компонент (принципы и понятия общей теории права), отдельные сведения по философии и истории права, истории философии права, отраслевая часть, как правило, состояла из конспективного изложения основ отраслевых юридических наук. В таком виде энциклопедия права играла по большей части роль учебной, а не научной дисциплины. В образовательном процессе она, как правило, воспринималась в качестве пропедевтической дисциплины, призванной подготовить студентов к изучению отраслевой науки.

К концу XIX в. и в Германии, и в России энциклопедия права как научная дисциплина деградирует. Поскольку кафедра энциклопедии права продолжала существовать, в России по-прежнему выпускались учебники по энциклопедии права, но ее философско-правовой и теоретико-правовой компоненты постепенно перемещаются в философию права и общую теорию права. Юристы все больше склонялись к окончательной мысли об отсутствии научного потенциала энциклопедии права. “Научная несостоятельность энциклопедии права, – заявляет Г.Ф. Шершеневич, – выражается в том, что у нее нет ни объекта, ни метода, т.е. того, что оправдывает самостоятельность науки... С научной стороны энциклопедия права, не вносящая решительно ничего нового в сокровищницу человеческого знания, должна быть признана бесполезным членом научного общества”⁴⁴.

Философия права. Философия права – также одна из старейших дисциплин, прочно вошедшая в систему юридического образования и науки. Философия права как самостоятельная отрасль знания формируется в XVII–XVIII вв. в рамках естественно-правовой школы. Благодаря учениям Г. Гроция, Т. Гоббса, С. Пуфендорфа, Х. Вольфа, И. Канта идеи естественного права не только конституируют философию права, но и пронизывают всю юриспруденцию. Предметом данной исторической формы философии права было естественное право, некое врожденное представление о праве, противопоставляемое праву позитивному. “Теории XVII в., – отмечает Н.М. Коркунов, – еще не отличают нравственности от права, по крайней

мере от права естественного. Поэтому в них противоположение естественного и положительного права не является еще в своем чистом виде. Оно смешивается с неясно сознаваемым различием нрава и нравственности. Но уже в самом начале XVIII столетия Хр. Томазий (1655–1728) первый определенным образом не только различает, но и противопоставляет право и нравственность, придав таким образом теории естественного права более определенный и строгий характер”⁴⁵. “Но основные положения, – продолжает автор, – из которых они исходили при этом, не были априорными, не были врожденными понятиями. Основа этих теорий была эмпирическая. Вполне априорный характер теории естественного права старался дать Кант”, который выводил “все положения естественного права из априорного, по его мнению, безусловного веления нашего разума: действуй так, чтобы твоя свобода совмещалась со свободой всех и каждого”⁴⁶.

С начала XIX в. философия права вступает в новую фазу своего развития: в немецкой философии, пишет Н.М. Коркунов, происходит поворот от абстрактного рационализма к конкретной действительности, в том числе к позитивному праву. Сначала Шеллинг, затем Гегель, Краузе и Герbart ставят себе задачу «понять положительное право в его исторических формах, выяснить его основы. Если философия права и сохраняет еще иногда, по старой памяти, название “естественного права”, она уже не дает систему велений пресловутого естественного права, а философски объясняет положительное право»⁴⁷.

В России была примерно такая же картина: во второй половине XVIII – первой трети XIX в. философия права существовала в форме естественного права (В. Дильтей, Ф.-Г. Баузе, К.-Г. Лангер, А.П. Куницын), в 30–40-е годы – уже в форме гегельянства (П.Г. Редкин, Б.Н. Чичерин). В XIX – начале XX в. в России (как и в Германии) философию права разрабатывали прежде всего и в основном юристы, хотя сама дисциплина и не была предусмотрена университетскими уставами. Как верно замечает Е.Н. Моцелков, в российских университетах философия права как отдельный и самостоятельный курс вообще не преподавалась, “Уставами 1863 и 1884 годов предписывалось чтение курсов истории философии права”⁴⁸. “Под философией права в университетском образовании России XIX века подразумевались не специ-

⁴³ Там же. С. 28.

⁴⁴ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. С. 60, 61.

⁴⁵ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. С. 39.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 41.

⁴⁸ Моцелков Е.Н. Указ. соч. С. 82.

альная кафедра или учебный курс, а совокупность проблем и тем, которые читались на кафедрах и в курсах с другими названиями”⁴⁹. Например, на юридическом факультете Казанского университета проблематика философии прав излагалась в курсах “Естественное право” (1805–1829 учеб. гг.), “Энциклопедия права, государственные учреждения и права состояний” (1847–1863), “Энциклопедия и история философии права” (1863–1903)⁵⁰.

Академическая философия права в России второй половины XIX – начала XX в. довольно четко разбивается на два основных направления: метафизическое (существовало в форме гегельянства (П.Г. Редкин, Б.Н. Чичерин), кантианства (П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой), феноменологии (Н.Н. Алексеев) и религиозной метафизики (И.А. Ильин)) и позитивистское (Н.М. Коркунов, Г.Ф. Шершеневич и др.).

Позитивисты, следуя идеям О. Конта, определяют философию как синтез всех наук. Философия рассматривается ими как метод систематизации и теоретического обобщения данных специальных наук, что делает ее “венцом и основой всех наук”. В этом случае, по Г.Ф. Шершеневичу, “науки начинают свою работу только на фундаменте, воздвигнутом философией, и только философия подводит здание под крышу”⁵¹. Если философия, полагает он, призвана выполнять свою интегрирующую роль в отношении всего человеческого знания, то философия права должна играть такую же роль применительно к юриспруденции. В этой связи перед философией права стоят три задачи: теоретическая, практическая и историческая. В теоретическом плане философия права должна выработать универсальные, единые для всех отраслевых юридических наук понятия. Изучать следует только позитивное, существующее в жизни право (никак не идеальное) и исключительно с формальной стороны. Рассмотрение права с материальной, содержательной стороны приведет к стиранию граней между институтами и отраслями. Решение практической задачи требует установления целей для отраслевых наук, указывает направление, в котором следует изменять нормы позитивного права. И наконец, исторический аспект философии права предполагает научное исследование истории права. Названные задачи предопределяют состав философии права:

1) общая теория права; 2) история философии права; 3) политика права⁵².

Шершеневича и Коркунова объединяет позитивистское понимание философии, но в философии права первый ближе к формальному догматизму (т.е. в конечном счете к юридическому позитивизму), а второй – к социологизму (социологическому позитивизму). Кроме того, если Шершеневич оставляет за философией права особый статус некоей юридической сверхнауки, то для Коркунова философия права, освобожденная от метафизики и вставшая на почву науки, с необходимостью перерастает в общую теорию права⁵³. В последнем случае философия права, понятно, исчезает. В среде догматической юриспруденции философия права воспринималась, как правило, в качестве дисциплины с сомнительным научным статусом, поскольку зачастую опиралась не на позитивную науку (понимаемую в духе О. Конта), а на идеалистическую философию. “Вопрос о самостоятельности философии права, – решительно заявляет видный русский цивилист С.В. Пахман, – в отличие от истории права, представляется еще и поныне открытым”⁵⁴.

Для метафизиков права философия – тоже наука, но понятая в духе западноевропейского рационализма XVII–XVIII вв. Данную позицию как всегда четко формулирует Б.Н. Чичерин: законодатель “не может черпать руководящие начала из самого положительного права, ибо это именно то, что требуется оценить и изменить; для этого нужны иные, высшие соображения. Он не может довольствоваться и указаниями жизненной практики, ибо последняя представляет значительное разнообразие элементов, интересов и требований, которые приходят в столкновения друг с другом и между которыми надобно разобраться. Чтобы определить их относительную силу и достоинство, надобно иметь общие весы и мерилу, т.е. руководящие начала, а их может дать только философия. Нельзя разумным образом установить права и обязанности лиц, не зная, что такое право, где его источник и какие из него вытекают требования. Это начало тесно связано с самою человеческою личностью”⁵⁵, а “человек по природе своей есть метафизическое существо; метафизические начала руководят его действия-

⁵² См.: там же. С. 15–24.

⁵³ См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. С. 44, 46.

⁵⁴ Пахман С.В. О современном движении в науке права. СПб., 1882. С. 7.

⁵⁵ Чичерин Б.Н. Философия права // Чичерин Б.Н. Философия права. С. 21.

⁴⁹ Там же. С. 83.

⁵⁰ См.: там же.

⁵¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. С. 11.

ми; они входят как основной элемент во все общественные отношения”⁵⁶. Отвергнуть метафизику, по Б.Н. Чичерину, означает расшатать все теоретические основания общества, с другой стороны – базирующиеся на ней исследования есть строгая наука: “Познание общественных явлений возможно только при свете выражающихся в них рациональных начал, а с другой стороны, самые эти явления служат проверкою начал, ибо здесь последние из теоретической области нисходят в практическую сферу и сталкиваются с жизненными условиями и интересами”⁵⁷.

В отличие от позитивистов, которые сомневались в самостоятельном статусе философии права, идеалисты всегда исходили из ее особого положения в составе юриспруденции. Философия права, с их точки зрения, становилась ядром фундаментальной юридической науки с самостоятельным статусом в силу того факта, что только она могла разрешать коренные, мировоззренческие вопросы бытия права и государства.

Общая теория права. Общая теория права возникает много позднее энциклопедии права и философии права, примерно во второй половине XIX в. Раннюю форму общей теории права можно обнаружить уже в Англии в виде аналитической (формальной) школы права И. Бентама и Дж. Остина (так считали, например, Г.Ф. Шершеневич и Н.М. Коркунов)⁵⁸. Становление общей теории права в Германии – стране, где данная дисциплина достигает своей наиболее развитой, зрелой формы, – обычно связывают с именами А. Меркеля, К. Бергбома, П. Мюллера, А. Поста (их труды по соответствующей тематике выходят в последней трети XIX в.)⁵⁹. Во Франции, по словам Г.Ф. Шершеневича, на начало XX в. общая теория права не представлена вовсе: “Общая теория права предполагает предварительную работу в специальных науках, которая в Германии так хорошо делается в общей части. Ничего подобного во Франции пока нет и потому для построения общей теории права недостает еще теоретического материала”⁶⁰.

Как верно замечает Н.М. Коркунов, общая теория права вырастает на основе энциклопедии права и философии права: “Философия права и энциклопедия права одно и то же. Это только

подготовительные стадии к образованию одной обобщающей дисциплины – общей теории права”⁶¹. И в Германии, и в России со второй половины XIX в. ощущается недостаточность обеих дисциплин в деле изучения права. Философия права страдала оторванностью от жизни, а энциклопедия права растворялась в отраслевой науке. Необходима была дисциплина, которая на высоком абстрактном уровне могла бы исследовать позитивное право и делать теоретические обобщения, имеющие значение для отраслевой науки. Поворот в сторону изучения позитивного права, осуществленный немецкими философами (Гегель, Краузе и Гербарт), не мог удовлетворить потребности юридической науки. Предложенная Гегелем философия права была для отраслевой юридической науки слишком абстрактной. Требовалась такая “философия позитивного права”, которая, не устраняя философский и исторический компоненты при изучении права, могла бы на приемлемом для отраслевиков уровне анализировать догматический материал.

Данную задачу решили немецкие юристы, которые предложили изучать право в “систематическом, спекулятивно-идеалистическом, историческом и эмпирико-реалистическом направлениях”⁶². Целями исследования позитивного права должны были стать унификация понятийного аппарата, выявление структуры и системы права, общих принципов его построения, имеющих руководящее значение для всей юридической науки. “Деятельность теоретика, – отмечалось также, – должна быть направлена к тому, чтобы понять практическое право и реальные людские отношения как одно связанное целое, этот общий организм разложить на его отдельные органы и элементы, определить их соотношение и взаимодействие, нормы и цели их действия, а также назначения как целого, так и частей”⁶³. Позитивное право должно быть проверено с точки зрения его логического и технико-юридического построения. Общая теория права, конкретизирует Г.Ф. Шершеневич, нацелена на объединение материала, накопленного отраслевыми науками в их общей части (идея выдвинута А. Меркелем). Общая теория права, добавляет он, как подлинная наука будет иметь также наднациональный характер: “При построении понятий из положительного права общая теория права отбрасывает все индивидуальное, свойственное тому или другому законодательству, и выбирает лишь типическое, свойственное

⁵⁶ Там же. С. 25.

⁵⁷ Там же. С. 34.

⁵⁸ См.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. С. 40, 41; Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. С. 44.

⁵⁹ См.: Новгородцев П.И. Историческая школа юристов. СПб., 1999. С. 154–170; Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. С. 48, 49.

⁶⁰ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. С. 44.

⁶¹ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. С. 48.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 49.

всем законодательствам. Это не значит, однако, что общая теория права имеет дело со всем, что оказывается общим всем законодательствам. Из того, что всюду запрещается брак на свояченице, не следует, чтобы это положение составило объект общей теории права. Последняя выбирает не только общие положения, но и необходимые, т.е. такие, без которых общежитие данного культурного типа существовать не может, каковы, напр., понятия о субъекте права, о договоре, о государственной власти”⁶⁴.

Общая теория права в России создавалась юристами, представлявшими как отраслевую, так и фундаментальную юридическую науку. Точнее будет сказать так: общую теорию права формировали ученые, которым было тесно в рамках сложившихся научных дисциплин. Первопроходцами на этом пути следует назвать С.А. Муромцева и Н.М. Коркунова: первый шел к общей теории права от гражданского и римского права, второй – от государственного. Их обоих сближало стремление построить единую науку о праве на основе синтеза юридических наук: философии права, истории права, догматики и социологии права. Г.Ф. Шершеневич, будучи цивилистом, предложил строить общую теорию права на основе обобщения юридической межотраслевой догматики. Хотя он и подвергался критике за данный подход (“это могло привести к догматизации и односторонности общей теории права”⁶⁵), его “Общая теория права” включила в себя такие недогматические разделы, изложенные в общеправовом и общесоциологическом духе, как “Человек и его потребности”, “Общество”, “Правила общежития”, “Государство”, “Право”. Представители фундаментальной юридической науки Е.Н. Трубецкой и И.А. Ильин, преподававшие на кафедре энциклопедии права и истории философии права, также создают общую теорию права в составе, как минимум, трех компонентов: философии права, догмы права, социологии права. Отечественные работы по энциклопедии права начала XX в. – уже типичные учебники по общей теории государства и права, какими мы привыкли их видеть во второй половине XX в. Специализированная отраслевая догматика практически полностью из них уходит.

В России общая теория права задумывалась и фактически создавалась как комплексная юридическая дисциплина, нацеленная на всестороннее изучение права и государства в философском, историческом, догматическом и социологическом

отношениях. В Германии, отмечает Н.М. Коркунов, напротив, общая теория права делала крен в сторону отраслевой науки: “У немцев преподавание права сводится, по выражению Л. Штейна, к изложению одного гражданского права в разнообразных его видах. Другие отрасли права, можно сказать, только терпимы. Немудрено поэтому, что введением в изучение науки права у них служит не общее учение о праве, а просто предварительное краткое изложение того же гражданского права, римского и германского, да иногда еще, как у Пюттера, Аренса, Варнкенига, – всеобщая история права. Совершенно другое видим в наших университетах. У нас никогда не было такого преобладания гражданского права. Уже со времени Петра Великого юридическое образование соединяется с политическим. Поэтому русский энциклопедист не может свести свой курс к краткому изложению всего того, что преподается на юридических факультетах. При разнообразии преподаваемых предметов это сделало бы его изложение слишком пестрым. Условия нашего университетского преподавания требуют от энциклопедиста не конспекта специальных наук, а общей теории права”⁶⁶.

Детальное обоснование общей теории права как комплексной дисциплины мы находим в сочинениях выдающегося методолога юридической науки Б.А. Кистяковского. Поскольку право и государство, рассуждает он, как явления действительности отличаются единством, поскольку составные части государства и права можно выделить только в теории, теоретико-правовая наука также должна отличаться методологическим единством. В данном случае речь идет не о сведении методологии к какой-то одной позиции, выдвигается идея создания плюралистической методологии, отражающей различные стороны бытия права и государства. Решить вопрос о существовании права и государства, утверждает юрист, “мы сможем только тогда, когда наряду с юридико-догматическими исследованиями будут произведены историко-политические, социологические, психологические и философско-идеологические исследования”⁶⁷. В целом он высказывается за то, чтобы общая теория права развивалась на основе “всей суммы гуманитарных наук, объединенных при помощи философии в цельную систему научного знания”⁶⁸. При этом признается, что возможным негативным следствием такого методологического

⁶⁴ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. С. 46.

⁶⁵ Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 251.

⁶⁶ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. С. 50.

⁶⁷ Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 260.

⁶⁸ Там же. С. 226.

плюрализма станет борьба взаимоисключающих идей в рамках общей теории права.

В общем и целом в конце XIX – первой трети XX в. русские юристы с разными оговорками признают факт существования общей теории права как самостоятельной юридической науки со своим особым местом в юриспруденции. Оговорки были следующие. С.А. Муромцев и Л.А. Петражицкий, занимая наиболее радикальную позицию, требовали реформы всей юридической науки (прежде всего отраслевой) и создания некоей новой интегративной юриспруденции (первый – на основе социологии, второй – на основе психологии). В их восприятии новая юридическая наука и должна была принять форму своеобразной метатеории права, вбирающей в себя отраслевую науку (социологически или психологически понята) и политику права⁶⁹. Н.М. Коркунов, заявляя о полном тождестве энциклопедии права, философии права и общей теории права, считал необходимым растворить две первые дисциплины в последней. Для него общая теория права есть, по сути, единственная форма фундаментальной науки, поглощающая собой догматическое, философское, историческое и сравнительное изучение права (отраслевые науки остаются здесь самостоятельными)⁷⁰. Ковалевский занимал примерно такую же позицию: фундаментальная наука едина, хотя и включает в себя различные компоненты (догматический, исторический, философский, социально-практический)⁷¹. Он не называет ее общей теорией права, но речь, по сути, идет именно о ней. Для Г.Ф. Шершеневича, если подходить формально, общая теория права – теоретическая часть философии права, где обобщается догматический материал отраслевых наук и создается качественно новое межотраслевое знание. Однако на самом деле его общая теория права предстает все той же комплексной дисциплиной, где объединяются философский, исторический, догматический и социологический компоненты. Е.Н. Трубецкой и Ф.В. Тарановский издали в начале XX в. учебники с названием “Энциклопедия права” и содержанием, типичным для общей теории права. Иначе

говоря, под старым официальным названием они разрабатывали новую комплексную общетеоретическую дисциплину. И.А. Ильин уже не называет энциклопедию права среди других юридических наук, у него есть четкое деление на отраслевую юридическую науку, общую теорию государства и права, философию права и социологию права⁷². Г.Д. Гурвич, четко различая догму права, философию права и социологию права, ведет речь о единой фундаментальной юридической науке, фактически – об общей теории права⁷³. Перечень не окончательный, его можно продолжать, но суть одна: общая теория права как самостоятельная общетеоретическая межотраслевая комплексная дисциплина – состоявшийся факт российской юридической науки.

Один из принципиальных вопросов, касающийся особенностей формирования и природы общей теории права, – ее взаимоотношение с отраслевой юридической наукой. Как уже отмечалось, одной из причин появления общей теории права было стремление создать межотраслевую дисциплину, которая смогла бы подвести общетеоретический фундамент под отраслевые науки, обеспечив тем самым их системность и понятийное единство. Присутствие догматического компонента в общей теории права не только никем всерьез не отвергалось, но, напротив, считалось необходимым делом. Однако преобладание догматики над философской, исторической и социологической частями теоретико-правовой науки вызывало критику. Так, с точки зрения Б.А. Кистяковского, общую теорию права создавали сторонники догматической юриспруденции, что наложило на нее отпечаток. Под влиянием этого обстоятельства окончательно утвердился взгляд, что общая теория права только тогда превратится в настоящую науку, когда усвоит метод догматической юриспруденции. Доминирование данного метода привело к извращению понятия права (в пример ставились Г. Еллинек и Г.Ф. Шершеневич, понимавшие право исключительно в качестве установленных государством норм). От догмы права, утверждает Б.А. Кистяковский, нельзя чисто механически перейти к общей теории права. Методы догматической юриспруденции не пригодны для общей теории права: догматическая юриспруденция – наука описательно-классификационная, общая теория права – объяснительно-

⁶⁹ См.: Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. СПб., 2004. С. 27, 28; Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 198, 199.

⁷⁰ См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. С. 48–50.

⁷¹ См.: Ковалевский М.М. Сравнительно-историческое правоведение и его отношение к социологии. Методы сравнительного права // Ковалевский М.М. Социология. Теоретико-методологические и историко-социологические работы. СПб., 2011. С. 149.

⁷² См.: Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве // Ильин И.А. Собр. соч. В 10-ти т. Т. 4. М., 1994. С. 143–147.

⁷³ См.: Гурвич Г.Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Гурвич Г.Д. Философия и социология права. Избр. соч. СПб., 2004. С. 278–283.

теоретическая, требующая познания причинных и телеологических отношений. Для догматика права высшее благо – устойчивость правопорядка, если под влиянием перемен догматик вынужден искать новые формулы, то он их найдет независимо от общей теории права, так как этого требует практика. В этом смысле догматическая юриспруденция сохраняет свои преимущества, даже несмотря на то что при решении общих и чисто теоретических вопросов она уступает первенство общей теории права⁷⁴.

В данном случае важно признание представителя фундаментальных дисциплин, что отраслевая юридическая наука вполне может развиваться и без общей теории права. Во всяком случае история юридической догматики в полной мере это подтверждает. Надежды юристов-догматиков (например, Г.Ф. Шершеневича) на то, что общая теория права станет средством интегрирования отраслевых наук в единую, системно связанную юриспруденцию, оправдались далеко не в полной мере. К концу XIX в. отраслевые науки давно уже развивались на своей собственной теоретико-методологической основе, опирались на собственный, хорошо развитый понятийный аппарат, что делало их вполне самостоятельными. Большинство отраслевиков, как правило, не имели дополнительной мотивации, чтобы заниматься проблемами общей теории права. Все это вело к тому, что и в начале XX в. отраслевая юридическая наука продолжала оставаться слабо связанной с общей теорией права. Соединение между ними шло по линии догмы права, но с разной интенсивностью: поскольку теоретики права опирались в своих исследованиях на отраслевой материал, их зависимость от отраслевой науки всегда была выше. Связь между теоретико-правовой наукой и отраслевой обеспечивалась также учебным процессом, где была предусмотрена “Энциклопедия права”, к началу XX в. фактически слившейся с общей теорией права. Если в сфере науки отраслевики проявляли вялый интерес к общей теории права, то в сфере юридического образования они вынуждены были так или иначе выражать свое отношение к содержательной стороне “Энциклопедии права”. Важнейшими факторами, ослаблявшими взаимоотношения отраслевой и теоретико-правовой наук, были недогматические компоненты последней. Философия права, история права и социология права по своим задачам и методологии слишком отличались от юридической догматики,

что вело к четкому разделению отраслевой науки и общей теории права.

Следствием всех этих обстоятельств стал тот факт, что общая теория права изначально формировалась и развивалась как самостоятельная комплексная наука. Пропедевтическая направленность “Энциклопедии права” как учебной дисциплины могла наводить на мысль о подчиненном положении общей теории права по отношению к отраслевой науке, но фактический статус теоретико-правовой науки отличался независимостью и самостоятельностью.

Политика права. Политика права была, по-видимому, наименее разработанной дисциплиной в российской юридической науке, хотя и сумела занять свое особое место. Под политикой права обычно понимали: 1) установление цели правового регулирования; 2) разработку средств достижения этих целей, куда относились как специальные юридические средства (правотворчество и правоприменение), так и социальные реформы.

Поскольку процессу правового регулирования имманентно присуще определение целей и средств его достижения, политика права в той или иной форме всегда была естественной частью юридической жизни любой страны. Говорить о политике права как науке можно лишь на стадии относительной зрелости теоретической юриспруденции. Ф.В. Тарановский относит начало ее становления ко второй половине XVI в., когда, по его словам, в Германии возникает политика как самостоятельная отрасль науки. Предметом ее является учение о наиболее совершенных средствах к достижению государственных целей. В начале XVIII в. в Германии в составе политики некоторые авторы начинают выделять законодательную политику, задача которой состояла в “установлении справедливости путем создания соответственных законов”⁷⁵.

В России тема политики права как самостоятельной науки встает в полный рост начиная с последней трети XIX в. в связи с дискуссией о разграничении фундаментальной и догматической юриспруденции. Интенсивное проникновение социологии, антропологии и статистики в юриспруденцию создавало тот эмпирический фундамент, который превращал вопрос о целях и средствах правового регулирования в самостоятельную тему. Внутри догматической юриспруденции возникают политика гражданского права, уголовного

⁷⁴ См.: Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 237, 249–251, 320, 321, 393.

⁷⁵ Тарановский Ф.В. Юридический метод в государственной науке: очерк развития его в Германии. Варшава, 1904. С. 219, 225, 226.

права, финансового права. В общей теории права предпринимаются попытки обоснования политики права как общетеоретической междотраслевой науки. Однако предмет и методы отраслевой науки и политики права были слишком разные, чтобы существовать в рамках единых дисциплин. Догматическая юриспруденция воспринимала правовую политику как угрозу сложившейся традиции, как чужеродный компонент, способный разрушить отраслевую науку. Как верно заметил М.П. Чубинский, один из основоположников социологического направления в уголовном праве, политика права вынуждена была бороться за выживание⁷⁶.

Несмотря на то что отраслевики социологической ориентации пытались обосновать необходимость существования политики права в составе своей отрасли, логика внутри академической борьбы побуждала новую дисциплину к самостоятельному существованию. Данную тенденцию лучше других почувствовал и сформулировал Л.И. Петражицкий, увидевший в политике права средство модернизации всей юридической науки (прежде всего догматической юриспруденции). В его интерпретации политика права есть, во-первых, универсальная психолого-социологическая наука (эмоциональная социология) и, во-вторых, духовно-практический способ совершенствования общественных отношений. В состав политики права входят: 1) знания о психологических закономерностях поведения людей; 2) знания о факторах, влияющих на развитие человеческого характера; 3) знания о природе и причинных свойствах права, правовой мотивации и правовой педагогике. Роль права проявляется в двух аспектах: 1) мотивационное, или импульсивное действие права (стимулирование или подавление мотивов поведения людей); 2) педагогическое действие права (воспитание народной психики). Отсюда вытекают задачи политики права: 1) регулирование индивидуального и массового поведения посредством правовой мотивации; 2) совершенствование человеческой психики, очищение ее от антисоциальных склонностей. Цель правовой политики – достижение некоего социального идеала в виде “совершенного социального характера, совершенного господства действительной любви в человечестве”⁷⁷.

Несмотря на панпсихологизм и известный утопизм данной конструкции, Л.И. Петражицкий верно сформулировал суть политики права как социолого-юридической дисциплины, занявшей свое особое место в составе фундаментальной науки.

Социология права. Самой молодой дисциплиной юридической науки в России была, конечно, социология права. Хотя процесс проникновения социологии в российскую юриспруденцию и проходил очень болезненно, уже на рубеже XIX–XX вв. социологический компонент в фундаментальной юридической науке – состоявшийся факт.

Взгляды юристов на место социологии права в составе юридической науки можно разделить (условно, конечно) на три группы.

Первую группу составляли юристы, наиболее радикально настроенные в деле внедрения социологии в юриспруденцию. С.А. Муромцев и Ю.С. Гамбаров, считая социологию венцом научного знания, предлагали реформировать всю юриспруденцию (прикладную и фундаментальную) на основе социологии. В этом случае правоведение должно было стать частью социологии, что, по их мнению, придало бы всей юриспруденции подлинно научный характер. Примерно такой же позиции придерживался Л.И. Петражицкий: правоведение (прикладное и фундаментальное) должно трансформироваться в единую психолого-социологическую науку. В.И. Сергеевич, смягчая такую категоричность, выступал за то, чтобы частью социологии стала только фундаментальная юридическая наука, а не вся (как Муромцева или Гамбарова). В этом случае юридическая наука, с его точки зрения, приобретает естественное деление на чистую науку (собственно науку) и прикладную (согласно терминологии Муромцева – искусство).

Во вторую группу входили юристы (в основном отраслевики: С.В. Пахман, А.Х. Гольмстен, Г.Ф. Шершеневич и др.), фактически признавшие социологию права составной частью общей теории права. Формально их позиция была более осторожной: поскольку, полагали они, социология разрушает догму права (для них это – фундамент общей теории права), она не может быть ее составной частью. Социология права, утверждает Г.Ф. Шершеневич, – часть социологии и потому не может быть частью правоведения. Однако фактически Г.Ф. Шершеневич и другие отраслевики, работавшие на поле общей теории

2010. С. 381, 382; *Его же*. К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права // *Петражицкий Л.И. Теория и политика права*. Избр. тр. СПб., 2010. С. 568.

⁷⁶ См.: *Чубинский М.П.* Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права. М., 2014. С. 5, 6.

⁷⁷ *Петражицкий Л.И.* Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии // *Петражицкий Л.И.* Теория и политика права. Избр. тр. СПб.,

права, использовали социологию в полной мере. К данной позиции приближается и Н.М. Коркунов: психология и социология могут быть полезны для общей теории права, но пока психология и социология дают “ограниченное число прочно установленных выводов” (т.е. о социологии права как самостоятельной науке пока говорить рано, но в рамках общей теории права она вполне применима).

Третья группа юристов (Н.А. Гредескул, Н.С. Тимашев, Г.Д. Гурвич) видела в социологии права самостоятельную дисциплину в составе юриспруденции, отличной от догмы права, философии права и общей теории права. Данный подход формировался по мере институционализации социологии права как научной и учебной дисциплины и стал вполне устоявшимся примерно к 20–30-м годам XX в.

Фактически социологический подход в большей или меньшей степени использовался во всех юридических науках. Отраслевая наука, создавая юридические конструкции, всегда косвенно или прямо имела в виду реальные общественные отношения, которые необходимо было регламенти-

ровать. Догматик права поневоле становился и социологом права. Историк, воссоздавая картину происхождения, развития и функционирования государства и права отдельной страны, всегда принимал во внимание факторы, повлиявшие на данный процесс, т.е. применял социологический метод. В рамках философии права (метафизической или позитивистской) право и государство рассматривались как системные объекты, имеющие структуру и функциональные связи между ее элементами (одна из сторон социологического метода). Сравнительное правоведение, сопоставляя различные правовые системы, рассматривает их в системе культурно-исторического развития, т.е. использует идею многофакторного влияния. Политика права практически всецело построена на социологическом анализе эмпирического материала, демонстрирующего взаимодействие общества, права и государства. И наконец, общая теория права в качестве комплексной дисциплины имеет в своем составе социологию права, а также использует социологический подход при философском и догматическом исследовании права и государства.